

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 60–73.

Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 3. P. 60-73.

Научная статья

УДК 070(549):004.738.5

EDN: RAYCXQ

doi:10.17072/2587-6589-2026-3-60-73

<https://elibrary.ru/raycxq>

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАЛАНДШАФТА ПАКИСТАНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТА ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Сайф Улла Тарик Бутт

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
saifullahtariqbhatt@gmail.com, ORCID: 0009-0000-4011-2988

Аннотация. Статья посвящена трансформации медиаландшафта Пакистана под влиянием социальных медиа, рассматриваемой сквозь призму концепции цифрового разрыва Я. ван Дейка. Научная новизна исследования заключается в переносе фокуса со статистики пользователей и обобщения данных исследований, что преобладает в существующих работах, на актуальные оценки медиаэкспертов, а также в выявлении исследовательского разрыва (*research gap*) как дополнительного проявления цифрового неравенства. Цель – определить, как ведущие пакистанские специалисты в области массовой коммуникации оценивают эффект влияния социальных медиа на национальную медиасреду и какое место в этих оценках занимает проблема цифрового неравенства. Эмпирическую базу составили глубинные экспертные интервью с семью преподавателями факультетов массовой коммуникации университетов Пакистана, отобранными методом целенаправленной выборки и обработанными методом тематического анализа в программе MAXQDA, а также актуальные статистические данные о цифровой среде страны. Результаты показывают, что трансформация реальна и проявляется в платформенном сдвиге медиапотребления, эрозии редакционного контроля и распространении гражданской журналистики, а также в изменении практик потребления новостей. Вместе с тем эксперты единодушно фиксируют воспроизводство цифрового разрыва не только на уровне доступа (городское и сельское население, гендерный дисбаланс), но и на уровне производства научного знания: нехватка ресурсов, ограниченный доступ к актуальным исследованиям, языковой барьер и методологическое отставание. Делается вывод, что в условиях развивающейся страны цифровой разрыв представляет собой многоуровневый феномен, затрагивающий и само медиаисследовательское сообщество.

Ключевые слова: цифровой разрыв, медиаландшафт, социальные медиа, Пакистан, экспертное интервью, трансформация журналистики, цифровое неравенство.

Для цитирования: Сайф Улла Тарик Бутт. Трансформация медиаландшафта пакистана в условиях цифрового разрыва: экспертные оценки эффекта влияния социальных медиа // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 3. С. 60–73. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-60-73>. EDN: RAYCXQ

Original article

TRANSFORMATION OF PAKISTAN'S MEDIA LANDSCAPE UNDER THE CONDITIONS OF THE DIGITAL DIVIDE: EXPERT ASSESSMENTS OF THE EFFECT OF SOCIAL MEDIA INFLUENCE

Saif Ullah Tariq Butt

Perm State University, Perm, Russia, saifullahtariqbutt@gmail.com,

ORCID: 0009-0000-4011-2988

Abstract. The article examines the transformation of Pakistan's media landscape under the influence of social media through the lens of J. van Dijk's concept of the digital divide. The scientific novelty of the study lies in shifting the focus from user statistics and literature synthesis, which have dominated existing research, to the perceptions of media experts, and in identifying a research-level digital divide as an additional manifestation of digital inequality. The aim is to determine how leading Pakistani specialists in mass communication assess the effect of social media on the national media environment and what place digital inequality occupies in these assessments. The empirical basis comprises in-depth expert interviews with seven faculty members of mass communication departments at Pakistani universities, selected through purposive sampling and analysed through thematic analysis in MAXQDA, together with current statistics on the country's digital environment. The findings show that the transformation is real and manifests itself in a platform shift in media consumption, the erosion of editorial control and the spread of citizen journalism, and changing news-consumption practices. At the same time, the experts unanimously record the reproduction of the digital divide not only at the level of access (urban–rural and gender imbalances) but also at the level of knowledge production: a lack of resources, limited access to current research, a language barrier, and methodological lag. It is concluded that in a developing country the digital divide is a multilevel phenomenon affecting the media research community itself.

Keywords: digital divide, media landscape, social media, Pakistan, expert interview, transformation of journalism, digital inequality.

For citation: Saif Ullah Tariq Butt. Transformation of Pakistan's Media Landscape under the Conditions of the Digital Divide: Expert Assessments of the Effect of Social Media Influence. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;3:60-73. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-3-60-73>. EDN: RAYCXQ

Введение

Стремительное распространение социальных медиа за последние полтора десятилетия радикально изменило конфигурацию мировой медиасистемы. Концептуальная цепочка «пресса – радио – телевидение», вокруг которой в XX в. выстраивались базовые представления о средствах массовой информации (далее – СМИ), сегодня преобразуется в более сложную структуру, объединяющую контент, каналы, платформы и пользователей, которые выступают одновременно потребителями, ретрансляторами и авторами сообщений [Вартанова 2023: 9]. Эти процессы носят универсальный характер, однако в разных

национальных медиасистемах они разворачиваются неравномерно – в зависимости от уровня технологического и экономического развития, состояния системы образования и степени распространения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

Особый интерес для исследователя представляет ситуация в развивающихся странах, где трансформация медиаландшафта протекает в условиях выраженного цифрового разрыва. Пакистан – пятая по численности населения страна мира (256 млн человек на конец 2025 г.) – является показательным случаем. С одной стороны, здесь наблюдается быстрый рост аудитории социальных медиа; с другой – значительная часть населения остаётся за пределами цифрового пространства, а национальное медиаисследовательское поле, по оценкам самих пакистанских учёных, существенно отстаёт от мировых тенденций.

Научная новизна исследования состоит в следующем. Если предшествующие работы о социальных медиа в Пакистане либо измеряли численность пользователей и модели потребления, либо обобщали данные и выводы научной литературы, то настоящее исследование обращается к оценкам экспертов, которые руководят этими исследованиями и осуществляют их. На этой основе выявляется исследовательский разрыв (*research gap*) как особое, ранее недостаточно изученное проявление цифрового неравенства – наряду с известными разрывами доступа и навыков. Цель исследования – реконструировать структуру этих экспертных оценок и определить, какое место в них занимает проблема цифрового неравенства.

Теоретической рамкой выступает концепция цифрового разрыва (*digital divide*) нидерландского социолога Я. ван Дейка [van Dijk 2006, 2005], получившая развитие в российских медиаисследованиях [Вартанова, Гладкова 2021; Добринская, Мартыненко 2019; Мартыненко 2018]. Привлечение этой концепции позволяет рассматривать трансформацию медиаландшафта Пакистана не как линейный технологический прогресс, а как процесс, опосредованный множественными формами социального неравенства.

Основная часть

Теоретические основания: цифровой разрыв и трансформация медиасреды

Понятие «цифровой разрыв» (используются также термины «цифровое неравенство», «цифровой раскол») находится в фокусе внимания исследователей более двадцати лет [Мартыненко 2018: 4]. В отечественной науке оно определяется как неравномерный и неравный доступ субъекта – человека или группы – к сетевой телекоммуникационной инфраструктуре, цифровым устройствам, услугам и контенту [Вартанова, Гладкова 2021: 5].

Ключевой вклад в разработку концепции внёс Я. ван Дейк. В отличие от индивидуалистических трактовок, объясняющих неравенство доступа индивидуальными характеристиками (доход, образование, возраст, пол), ван Дейк предлагает реляционный подход, восходящий к идее «устойчивого неравенства» Ч. Тилли [Tilly 1998]. Согласно этому подходу, значимые формы неравенства порождаются не столько свойствами индивидов, сколько категориальными различиями между группами и отношениями между ними [Wellman, Berkowitz 1988]. На макроуровне такое неравенство проявляется в разрыве между развитыми и развивающимися странами, нередко описываемом как разрыв «Север – Юг».

Технологический прогресс трансформирует и само содержание цифрового разрыва: от простого деления на имеющих и не имеющих доступ в Интернет он эволюционирует к различиям в навыках и возможностях использования цифровых технологий. Так возникает трёхуровневая модель цифрового разрыва: первый уровень связан с физическим доступом, второй – с цифровыми навыками и характером использования, третий – с социальными результатами использования технологий [Добринская, Мартыненко 2019: 110]. М. Раньедда дополняет эту модель концепцией «третьего цифрового разрыва», подчёркивая, что даже при равном доступе пользователи извлекают из технологий неравные социальные выгоды [Ragnedda 2017].

Трансформация медиаландшафта под влиянием социальных медиа затрагивает по меньшей мере три измерения, релевантных для настоящего исследования. Во-первых, изменяется структура медиапотребления: аудитория переходит от линейных вещательных СМИ к интерактивным платформам. Во-вторых, трансформируется институт профессиональной журналистики. Здесь продуктивной оказывается теория гейткипинга (от *gatekeeping* – «контроль доступа»), описывающая механизмы отбора информации, попадающей в публичное пространство [Shoemaker, Vos 2009]: распространение социальных медиа подрывает монополию редакторов и журналистов на этот отбор. В-третьих, меняется сама природа публичной сферы. Согласно Ю. Хабермасу, публичная сфера представляет собой пространство рационально-критического обсуждения общественно значимых вопросов [Habermas 1989]; социальные медиа одновременно демократизируют доступ к этому пространству и фрагментируют его, способствуя распространению дезинформации.

Цифровой контекст Пакистана

Чтобы оценить условия, в которых разворачивается трансформация медиаландшафта, обратимся к актуальным данным о цифровой среде Пакистана. По данным аналитического отчёта Digital 2026, на конец 2025 г. население Пакистана составляло 256 млн человек, из которых 117 млн пользовались Интернетом – уровень проникновения Интернета достигал 45,6 % [Kemp 2025]. Это означает, что около 139 млн человек, или 54,4 % населения, оставались вне сети. Аудитория социальных медиа насчитывала 79,9 млн пользовательских идентификаторов, что эквивалентно 31,2 % населения; за год она выросла на четверть (+25 %) [Kemp 2025].

Эти показатели наглядно иллюстрируют первый уровень цифрового разрыва – неравенство физического доступа. Разрыв усиливается территориальным фактором: на конец 2025 г. в городах проживало 38,8 % населения Пакистана, тогда как 61,2 % приходилось на сельскую местность [Kemp 2025], для которой характерны более низкие показатели проникновения и качества телекоммуникационной инфраструктуры, находящейся в ведении Управления электросвязи Пакистана (Pakistan Telecommunication Authority, PTA). Платформенная структура аудитории заметно сместилась в сторону видео: к концу 2025 г. рекламная аудитория YouTube ¹ достигала 54,3 млн, TikTok ² – 79,9 млн взрослых пользователей, Snapchat – 41,1 млн; напротив, аудитория X (бывший Twitter) сократилась до

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

² Социальная сеть запрещена в РФ.

2,88 млн – лишь 1,1 % населения [Kemp 2025]. Этот сдвиг ретроспективно подтверждает прогноз, высказанный экспертами ещё в 2021 г., о движении от Twitter¹ и Facebook² к видеосервисам. Недавнее исследование динамики платформ фиксирует ту же траекторию «от Facebook³ к видео» на протяжении пандемийного периода [Hamza et al. 2025], а трактовка этих изменений в медиадискурсе страны эволюционировала от оптимизма по поводу цифровой инклюзивности к обеспокоенности цифровым разрывом [Zhou 2025].

Особенно показателен гендерный аспект. Среди пользовательских идентификаторов социальных медиа Пакистана 71,2 % принадлежали мужчинам и лишь 28,8 % – женщинам [Kemp 2025], причём этот разрыв даже несколько шире, чем годом ранее. Дисбаланс служит эмпирическим подтверждением реляционного тезиса ван Дейка о категориальном характере цифрового неравенства: гендерное различие, не будучи индивидуальной характеристикой, систематически воспроизводит неравный доступ к технологиям. Таким образом, трансформация медиаландшафта Пакистана с самого начала вписана в структуру множественного – территориального и гендерного – цифрового разрыва.

Материал и методы

Эмпирическим материалом статьи послужили глубинные экспертные интервью, проведённые автором с семью преподавателями дисциплин массовой коммуникации – лекторами, ассистент-профессорами и ассоциированными профессорами университетов Пакистана, обладающими значительным опытом медиаисследований и научного руководства выпускными работами бакалаврского и магистерского уровней. Отбор экспертов осуществлялся по принципу целенаправленной выборки (англ. *purposive sampling*): в исследование были включены специалисты, преподающие дисциплины массовой коммуникации, осуществляющие научное руководство выпускными квалификационными работами и публикующиеся в области медиаисследований. На этапе седьмого интервью наблюдалось тематическое насыщение: новые интервью перестали приносить принципиально новые категории анализа, что обосновывает объём выборки для качественного дизайна исследования. Структурный профиль экспертов представлен в таблице 1.

Интервью проводились по заранее разработанному гайду из семи вопросов: (1) предметная область научного руководства респондента; (2) преобладающий метод (контент-анализ или опрос) и изучаемая совокупность; (3) демографические группы в фокусе исследований (взрослые, подростки, дети); (4) анализируемые платформы социальных медиа и причины их выбора; (5) применяемые теоретические рамки; (6) интерес к видеосервисам, таким как YouTube⁴ и Netflix⁵; (7) специфические разрывы в сравнении с зарубежными исследованиями. Полученные транскрипты были обработаны методом тематического анализа в программе качественного анализа данных MAXQDA. Кодирование осуществлялось путём применения тематической схемы кодирования к транскриптам и агрегирования полученных кодов в

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

² Социальная сеть запрещена в РФ.

³ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁴ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁵ Доступ к ресурсу ограничен в РФ.

иерархическую систему категорий более высокого порядка, относящихся к платформам социальных медиа, методологии исследований, исследовательскому разрыву, теоретической перспективе, целевой аудитории и влиянию (таблица 2). По относительному весу наиболее заметным оказался узел «WhatsApp¹» (27,5 %), за ним следуют узлы «социальные медиа» (26,25 %) и «студенты» (21,25 %); доминирующей теоретической рамкой оказалась теория использования и удовлетворения. Интервью велись на английском языке; приводимые ниже прямые цитаты даются в переводе автора настоящей статьи.

Таблица 1. Структурный профиль отобранных экспертов в области массовой коммуникации

Эксперт	Организация	Должность	Основной фокус исследований / научного руководства
К. Шуджа	Lahore Leads University, Лахор	преподаватель (Lecturer)	Динамика платформ и привычки потребления (Facebook ² , Twitter ³ ; сдвиг к YouTube ⁴)
д-р Х. Рашид	COMSATS University, Лахор	ассистент-профессор (Assistant Professor)	Влияние социальных медиа на моду и покупательское поведение молодёжи; видеоплатформы (YouTube ⁵ , Netflix ⁶)
И. Салим	Lahore Leads University, Лахор	преподаватель (Lecturer)	Социальные медиа как новый феномен; контент TikTok ⁷ и Facebook ⁸ ; методология полевых исследований
д-р Н. Икбал	Университет Пенджаба, Лахор	ассистент-профессор (Assistant Professor)	Использование социальных медиа и медиаграмотность; множественные теоретические рамки
Н. У. Тарик	NUML, Исламабад	преподаватель (Lecturer)	Социальные медиа в потреблении новостей; неформальные цифровые новостные пространства; WhatsApp ⁹
д-р Ш. Сарвар	Университет Пенджаба, Лахор	ассоциированный профессор (Associate Professor)	Потребление и влияние социальных медиа; контент-анализ и опросы; языковые барьеры и доступ к базам данных
А. Икбал	UMT, Лахор	преподаватель (Lecturer)	Развлекательное использование; визуальные приложения; гендерная дифференциация Instagram/Snapchat – женщины; Twitter / Facebook – мужчины)

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

² Социальная сеть запрещена в РФ.

³ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁴ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁵ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁶ Доступ к ресурсу ограничен в РФ.

⁷ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁸ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁹ Социальная сеть запрещена в РФ.

Таблица 2. Иерархия тематического кодирования экспертных интервью (MAXQDA)

Тема высшего порядка	Категория	Коды (ключевые слова из транскриптов)	Относительный вес
Сдвиг потребления	Дивергенция платформ	социальные медиа, доминирование WhatsApp ¹ , миграция к видео (YouTube ²), Instagram ³	WhatsApp 27,5 %; социальные медиа 26,25 %
Сдвиг потребления	Демографический фокус	молодёжь, студенты, гендерные различия в использовании платформ	студенты 21,25 %; молодёжь 10 %
Эрозия гейткипинга	Институциональная эрозия	обход PEMRA, гражданская журналистика, отсутствие редакционных фильтров	—
Эрозия гейткипинга	Качество публичной сферы	влияние, поляризация, дезинформация	влияние 5 %
Исследовательский разрыв	Операционные и ресурсные дефициты	исследовательский разрыв, нехватка технологического развития, ограничения баз данных НЕС, дефицит литературы	—
Исследовательский разрыв	Теоретико-эпистемические ограничения	зависимость от теории использования и удовлетворения, опросы, контент-анализ, отсутствие моделирования больших данных	перспектива 10 %
Исследовательский разрыв	Социолингвистические барьеры	дефицит ресурсов на урду, «премия» английского языка, отсутствие переводов	—

Примечание. Процентные значения узлов представляют собой относительные частоты кодов – долю закодированных текстовых сегментов, отнесённых к каждому узлу, – рассчитанные в MAXQDA; знак «—» обозначает тематическую группу, качественно значимую, но не сводимую к одному взвешенному узлу.

Глобальный исследовательский контекст и пакистанская наука

Прежде чем обратиться к экспертным оценкам, целесообразно очертить фон, на котором они формируются. Зарубежные исследования социальных медиа отличаются методологическим и теоретическим разнообразием. Так, влияние социальных медиа на традиционные СМИ изучается на корпусах в миллиарды сообщений с использованием вычислительных методов [Cagé et al. 2022]; связь между потреблением социальных медиа и нормативным принятием языка вражды прослеживается с помощью двухволновых лонгитюдных панельных опросов [Soral 2020]. Этот спектр подходов контрастирует с преобладанием в Пакистане опросов и контент-анализа в рамках единственной теоретической парадигмы. Показательно, что даже

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

² Социальная сеть запрещена в РФ.

³ Социальная сеть запрещена в РФ.

недавние работы о Пакистане, как правило, опираются на описательные данные и одну теоретическую рамку: например, анализ динамики платформ сочетает теории использования и удовлетворения и медиазависимости с описательной веб-статистикой [Hamza et al. 2025], тогда как более сложные дискурс-аналитические исследования пакистанских медиа чаще создаются за пределами страны [Zhou 2025]. Там же, где политические эффекты социальных медиа изучаются внутри страны, фокус нередко ограничивается поляризацией [Khan et al. 2023].

Экспертные оценки: платформенный сдвиг и трансформация медиапотребления

Первая группа оценок касается изменения структуры медиапотребления. Эксперты фиксируют отчётливый платформенный сдвиг. По наблюдению Камрана Шуджи, исследуемые его студентами платформы включают Twitter¹ и Facebook² «с тенденцией перехода к YouTube³ в будущем». Как показано выше, этот прогноз с тех пор подтвердился: к концу 2025 г. видеоплатформы практически полностью вытеснили Twitter [Kemp 2025]. Тематический анализ подтверждает доминирование мессенджера WhatsApp в фокусе пакистанских исследований: соответствующий узел оказался наиболее весомым во всей системе кодов, что согласуется с особой ролью мессенджеров в повседневной коммуникации и подтверждается внешними данными о той же траектории «от Facebook⁴ к видеоплатформам» в пандемийный период [Hamza et al. 2025].

Эксперты отмечают и гендерную дифференциацию платформенных предпочтений. По словам Азхара Икбала, исследование его студента охватывает «платформы социальных медиа, такие как Instagram⁵ и Snapchat⁶, с фокусом на женскую аудиторию, и Twitter⁷ и Facebook⁸ – на мужскую». Эта дифференциация согласуется с приведёнными выше статистическими данными о гендерном дисбалансе аудитории и показывает, что цифровой разрыв воспроизводится не только в объёме доступа, но и в самих практиках использования платформ.

Отдельного внимания заслуживает отношение к видеоплатформам. Здесь оценки расходятся. Д-р Халид Рашид указывает, что видеосервисы, такие как Netflix⁹ и YouTube¹⁰, представляют для его студентов особый интерес «в связи с их интеграцией в социальную жизнь студентов». Напротив, Наим Уллах Тарик констатирует, что «другие платформы, такие как видеохостинги Netflix¹¹ и YouTube¹², не изучаются», а Имран Салим отмечает, что Netflix¹³ «ещё не стал предметом исследования». Подобные расхождения свидетельствуют о фрагментарности и неустойчивости исследовательского внимания к новым форматам – что само по себе является симптомом отставания.

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

² Социальная сеть запрещена в РФ.

³ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁴ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁵ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁶ Социальная сеть заблокирована в РФ.

⁷ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁸ Социальная сеть запрещена в РФ.

⁹ Доступ к ресурсу ограничен в РФ.

¹⁰ Социальная сеть запрещена в РФ.

¹¹ Доступ к ресурсу ограничен в РФ.

¹² Социальная сеть запрещена в РФ.

¹³ Доступ к ресурсу ограничен в РФ.

Экспертные оценки: трансформация профессиональной журналистики

Вторая группа оценок относится к воздействию социальных медиа на институт журналистики. Наиболее показательна позиция Наима Уллаха Тарика (NUML), научное руководство которого сосредоточено на «использовании социальных медиа в потреблении новостей и на том, как люди получают новости или информацию через социальные медиа». Этот фокус отражает ключевую тенденцию: социальные медиа становятся первичным каналом доступа к новостям, тесня традиционные вещательные СМИ.

В пакистанском контексте эта тенденция приобретает институциональное измерение. Электронные вещательные СМИ страны регулируются Управлением по регулированию электронных средств массовой информации Пакистана (Pakistan Electronic Media Regulatory Authority, PEMRA), тогда как контент социальных медиа не подпадает под аналогичный редакционно-этический контроль. В терминах теории гейткипинга это означает эрозию традиционных «фильтров» отбора информации: функция контроля доступа, прежде монополизированная редакциями, перераспределяется в пользу платформ и самих пользователей. Децентрализация гейткипинга наиболее выражена в закрытых мессенджерах, таких как WhatsApp¹ – самом весомом узле наших данных, – чья приватная архитектура выводит значительную часть повседневного информационного потока полностью за пределы редакционного контроля PEMRA. Следствием становится, с одной стороны, демократизация публичного высказывания и развитие гражданской журналистики, а с другой – рост рисков распространения недостоверной информации. То, что влияние социальных медиа распространяется теперь и на повестку традиционных СМИ, эмпирически показано в масштабных исследованиях [Cagé et al. 2022]; одновременно та же открытость способствует нормализации враждебных высказываний, что напрямую угрожает качеству хабермасовской публичной сферы [Soral 2020]. Более того, недавнее распространение инструментов генеративного искусственного интеллекта и алгоритмически курируемых лент порождает формы автоматизированного и персонализированного влияния, которые доминирующая теория использования и удовлетворения, созданная для эпохи выбора аудитории между дискретными медиа, не способна адекватно охватить, – что придаёт дополнительный вес обеспокоенности экспертов методологическим отставанием.

Экспертные оценки: теоретические рамки и исследовательский разрыв

Третья – и центральная для нашего анализа – группа оценок касается состояния самого медиаисследовательского поля. Тематический анализ показал, что доминирующей теоретической рамкой пакистанских исследований социальных медиа является теория использования и удовлетворения (англ. *Uses and Gratifications Theory*). На неё прямо указывают Камран Шуджа, Наим Уллах Тарик и д-р Шабир Сарвар. Лишь д-р Навид Икбал перечисляет более широкий набор подходов – установление повестки дня, медиаграмотность, цифровой разрыв и спираль молчания, – что является скорее

---

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

исключением. Преобладание одной парадигмы при ограниченном обращении к иным подходам эксперты единодушно связывают с отставанием национальной науки.

Это отставание описывается экспертами в характерных выражениях. Камран Шуджа прямо заявляет, что «существует исследовательский разрыв из-за нехватки технологического развития, что отбрасывает нас примерно на 20 лет назад по сравнению с современным миром». Сходную оценку даёт Наим Уллах Тарик: по его словам, «исследования в Пакистане отстают примерно на 10 лет по сравнению с развитыми странами». Причины этого отставания эксперты видят в дефиците ресурсов. Наим Уллах Тарик указывает на «нехватку ресурсов и доступа к современным книгам, учебным материалам и научным статьям», а также на «недостаток надлежащих государственных документов и данных и неадекватность условий для проведения исследований».

Особый акцент делается на языковом барьере. Д-р Шабир Сарвар отмечает, что исследования ограничены «нехваткой ресурсов, включая доступ к современным научным статьям и книгам, и языковым барьером, поскольку многие ресурсы недоступны на урду». Тем самым цифровой разрыв проявляется и как разрыв лингвистический: доступ к мировому научному знанию опосредован владением английским языком, что само по себе является формой структурного неравенства. Это ограничение усугубляется недостаточными возможностями национальной исследовательской инфраструктуры, включая ресурсы Комиссии по высшему образованию (Higher Education Commission, HEC) – органа, который управляет университетской наукой и доступом к научным базам данных в Пакистане.

Наконец, ряд экспертов указывает на институциональные и культурные ограничения исследовательского процесса. Имран Салим критически замечает, что «многие студенты выбирают темы для исследования лишь для того, чтобы получить степень, и не относятся серьёзно к значению своей работы». Это наблюдение следует рассматривать не как суждение об отдельных студентах, а как симптом академической культуры, ориентированной на формальное соответствие требованиям, а не на научный результат, – культуры, обусловленной сжатыми сроками выпускных исследований, на которые указывает и д-р Навид Икбал: студентам «предлагают начинать дипломную работу на последнем курсе», когда в условиях нехватки преподавательских кадров времени на полноценное исследование уже недостаточно. Наиболее оптимистичную позицию занимает Азхар Икбал, полагающий, что «нет различия в исследованиях между Пакистаном и другими частями мира, за исключением различия в условиях [их проведения], которое может либо повысить, либо снизить качество исследования».

Сопоставление трёх групп оценок позволяет сделать обобщающее наблюдение. Трансформация медиаландшафта Пакистана под влиянием социальных медиа – реальный и многоплановый процесс: он проявляется в платформенном сдвиге медиапотребления, в эрозии редакционного гейткипинга, в становлении новых практик потребления новостей и гражданской журналистики. Однако этот процесс протекает в условиях цифрового разрыва, который, как показывает анализ, является не одноуровневым, а многоуровневым феноменом.

На первом уровне – уровне доступа – разрыв подтверждается статистически: менее половины населения пользуется Интернетом, лишь треть охвачена социальными медиа,

сохраняется глубокий территориальный и гендерный дисбаланс. На втором уровне – уровне навыков и использования – эксперты фиксируют ограниченность и однородность исследовательских и пользовательских практик (доминирование WhatsApp¹, преобладание развлекательного потребления). Но наиболее важный вывод касается особого, обычно не выделяемого в стандартной модели измерения – разрыва на уровне производства научного знания о медиа.

Именно этот «исследовательский разрыв» оказывается сквозной темой экспертных оценок. В рамках концепции «третьего цифрового разрыва» Раньедды [Ragnedda 2017] исследовательский разрыв может быть осмыслен как его институциональное проявление: даже там, где локальные учёные достигают физического подключения (первый уровень) и цифровой исследовательской грамотности (второй уровень), структурные ресурсные дефициты – ограниченное финансирование, исключённость из платных научных баз данных, «премия» английского языка – ограничивают их способность конвертировать цифровой доступ в конкурентоспособный глобальный научный капитал. Отставание на «10–20 лет», дефицит актуальной литературы, нехватка кадров и слабость инфраструктуры данных означают, что цифровое неравенство воспроизводится не только в обществе, но и внутри академического сообщества, изучающего это общество.

Полученные результаты позволяют предположить, что в странах с сохраняющимся цифровым неравенством формируется особый тип зависимости между развитием медиасреды и развитием научного знания о ней. Социальные медиа распространяются значительно быстрее, чем исследовательские инструменты, необходимые для их системного анализа. В результате возникает асимметрия: медиапрактики населения трансформируются под влиянием глобальных платформ практически в режиме реального времени, тогда как национальное академическое сообщество сохраняет ограниченные возможности для их изучения. Это приводит к ситуации, при которой цифровой разрыв воспроизводится не только между различными социальными группами, но и между объектом исследования и способностью науки адекватно его осмысливать. В теоретическом отношении данный вывод расширяет применение концепции цифрового разрыва, позволяя рассматривать его как фактор, влияющий не только на коммуникационные практики, но и на производство научного знания о цифровом обществе.

В этом смысле трансформация медиаландшафта и отставание его научного осмысления оказываются двумя сторонами одного процесса, что согласуется с представлением о «пересборке» медиа как комплексном, неравномерно протекающем явлении [Вартанова 2023].

Ограничения исследования

Следует учитывать ряд ограничений исследования. Во-первых, выборка экспертов носила целенаправленный характер и не претендует на статистическую репрезентативность. Во-вторых, большинство участников представляли университеты крупных городов Пакистана (Лахора и Исламабада), что может ограничивать отражение регионального опыта.

---

¹ Социальная сеть запрещена в РФ.

В-третьих, результаты основаны на экспертных оценках и требуют дальнейшей проверки с использованием количественных методов и расширенных выборок.

Заключение

Проведённое исследование показало, что трансформация медиаландшафта Пакистана под влиянием социальных медиа является реальным процессом, который, однако, разворачивается в условиях многоуровневого цифрового разрыва. Оценки семи пакистанских специалистов в области массовой коммуникации позволяют выделить три взаимосвязанных измерения этой трансформации: платформенный сдвиг медиапотребления, эрозию профессионального гейткипинга и изменение практик потребления новостей.

Главный вывод состоит в том, что цифровой разрыв в Пакистане не ограничивается уровнями доступа и навыков, зафиксированными в классической трёхуровневой модели, но распространяется на уровень производства научного знания о медиа. Отставание национальной науки, описываемое экспертами через метафоры «10–20 лет позади», дефицит ресурсов и языковой барьер, свидетельствует о воспроизводстве цифрового неравенства внутри самого исследовательского сообщества. Тем самым подтверждается продуктивность реляционного подхода ван Дейка для анализа медиасистем развивающихся стран.

Полученные результаты могут служить основанием для дальнейшей разработки диссертационного исследования автора, посвящённого трансформации медиаландшафта Пакистана. Перспективным направлением представляется сопоставление экспертных оценок с количественными показателями цифровой среды, а также изучение мер, способных сократить «исследовательский разрыв», – от расширения доступа к научным базам данных до развития академических обменов.

Список литературы

1. Вартанова Е. Л. «Пересборка» медиа: актуальные процессы трансформации в условиях цифровизации // Меди@льманах. 2023. № 3. С. 8–16. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2023.816 EDN: OPIVWJ
2. Вартанова Е. Л., Гладкова А. А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включённость: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 1. С. 3–29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329 EDN: LEKEML
3. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 108–120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120 EDN: VUHAGN
4. Мартыненко Т. С. Концепция «цифрового разрыва» Я. ван Дейка // Информационное общество. 2018. № 6. С. 4–10. EDN: ZCZMAH
5. Cagé J., Hervé N., Mazoyer B. Social Media Influence Mainstream Media: Evidence from Two Billion Tweets. CEPR Discussion Paper No. 17358. London: CEPR Press, 2022.
6. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. 301 p.

7. Hamza A., Yonghong D., Ullah I. Dynamic Shifts in Social Media Usage in Pakistan: A Comparative Analysis Across Pre-, During-, and Post-COVID-19 Periods // *Journalism and Media*. 2025. Vol. 6, no. 2. Art. 59. DOI: 10.3390/journalmedia6020059 EDN: JTWPIX
8. Kemp S. Digital 2026: Pakistan // *DataReportal*. 2025. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-pakistan> (дата обращения: 25.06.2026).
9. Khan A., Rafique I., Nasim A. Social Media and Political Polarization in Pakistan // *Global Digital & Print Media Review*. 2023. Vol. 6, no. 1. DOI: 10.31703/gdpmr.2023(vi-i).19 EDN: QPXTBG
10. Mumtaz T., Karamat K., Iqbal A. A Comparative Study of Traditional and Social Media Consumption Patterns among Youth // *Journal of Media Studies*. 2019. Vol. 30, no. 2.
11. Ragnedda M. *The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities*. London; New York : Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315606002 EDN: YGYDFZ
12. Shoemaker P. J., Vos T. P. *Gatekeeping Theory*. New York; London : Routledge, 2009. DOI: 10.4324/9780203931653 EDN: YBQWZX
13. Soral W., Liu J., Bilewicz M. Media of Contempt: Social Media Consumption Predicts Normative Acceptance of Anti-Muslim Hate Speech and Islamoprejudice // *International Journal of Conflict and Violence*. 2020. Vol. 14. P. 1-13.
14. Tilly C. *Durable Inequality*. Berkeley: University of California Press, 1998. 299 p.
15. Van Dijk J.A.G.M. Digital Divide Research, Achievements and Shortcomings // *Poetics*. 2006. Vol. 34, no. 4-5. P. 221-235. DOI: 10.1016/j.poetic.2006.05.004
16. Van Dijk J.A.G.M. *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*. Thousand Oaks : SAGE, 2005. 240 p.
17. Wellman B., Berkowitz S. D. *Social Structures: A Network Approach*. Cambridge : Cambridge University Press, 1988.
18. Zhou Li. Navigating Digital Transformation in Pakistan: A Discourse Analysis of the Media Representation of the Digital Pakistan Initiative // *Asian Studies Review*. 2025. Vol. 49, no. 4. P. 798-817. DOI: 10.1080/10357823.2025.2466434

References

1. Vartanova E. L. «Peresborka» media: aktual'nye processy transformacii v usloviyah cifrovizacii [Rebuilding Media: Current Transformation Processes in the Context of Digitalization]. *Medi@l'manah*. 2023, no. 3, pp. 8-16. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2023.816 EDN: OPIVWJ (In Russ.).
2. Vartanova E. L., Gladkova A. A. Cifrovoe neravenstvo, cifrovoj kapital, cifrovaya vklyuchyonnost': dinamika teoreticheskikh podhodov i politicheskikh reshenij [Digital Divide, Digital Capital, Digital Inclusion: The Dynamics of Theoretical Approaches and Policy Decisions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. 2021, no. 1, pp. 3-29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329 EDN: LEKEML (In Russ.).
3. Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Perspektivy rossijskogo informacionnogo obshchestva: urovni cifrovogo razryva [Prospects for the Russian Information Society: Levels of the Digital Divide]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia]. 2019, vol. 19, no. 1, pp. 108-120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120 EDN: VUHAGN (In Russ.).
4. Martynenko T. S. Konceptiya «cifrovogo razryva» Ya. van Dejka [The concept of the "digital divide" by J. van Dijk]. *Informacionnoe obshchestvo* [Information society]. 2018, no. 6, pp. 4-10. EDN: ZCZMAH (In Russ.).

5. Cagé J., Hervé N., Mazoyer B. Social Media Influence Mainstream Media: Evidence from Two Billion Tweets. CEPR Discussion Paper No. 17358. London, CEPR Press, 2022.
6. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: MIT Press, 1989, 301 p.
7. Hamza A., Yonghong D., Ullah I. Dynamic Shifts in Social Media Usage in Pakistan: A Comparative Analysis Across Pre-, During-, and Post-COVID-19 Periods. *Journalism and Media*. 2025, vol. 6, no. 2, art. 59. DOI: 10.3390/journalmedia6020059 EDN: JTWPIX
8. Kemp S. Digital 2026: Pakistan. *DataReportal*. 2025. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-pakistan> (accessed: 25.06.2026).
9. Khan A., Rafique I., Nasim A. Social Media and Political Polarization in Pakistan. *Global Digital & Print Media Review*. 2023, vol. 6, no. 1. DOI: 10.31703/gdpmr.2023(vi-i).19 EDN: QPXTBG
10. Mumtaz T., Karamat K., Iqbal A. A Comparative Study of Traditional and Social Media Consumption Patterns among Youth. *Journal of Media Studies*. 2019, vol. 30, no. 2.
11. Ragnedda M. The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities. London; New York, Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315606002 EDN: YGYDFZ
12. Shoemaker P. J., Vos T. P. Gatekeeping Theory. New York; London, Routledge, 2009. DOI: 10.4324/9780203931653 EDN: YBQWZX
13. Soral W., Liu J., Bilewicz M. Media of Contempt: Social Media Consumption Predicts Normative Acceptance of Anti-Muslim Hate Speech and Islamoprejudice. *International Journal of Conflict and Violence*. 2020, vol. 14, p. 1-13.
14. Tilly C. Durable Inequality. Berkeley: University of California Press, 1998, 299 p.
15. Van Dijk J.A.G.M. Digital Divide Research, Achievements and Shortcomings. *Poetics*. 2006, vol. 34, no. 4-5, p. 221-235. DOI: 10.1016/j.poetic.2006.05.004
16. Van Dijk J.A.G.M. The Deepening Divide: Inequality in the Information Society. Thousand Oaks: SAGE, 2005. 240 p.
17. Wellman B., Berkowitz S. D. Social Structures: A Network Approach. Cambridge, Cambridge University Press, 1988.
18. Zhou Li. Navigating Digital Transformation in Pakistan: A Discourse Analysis of the Media Representation of the Digital Pakistan Initiative. *Asian Studies Review*. 2025, vol. 49, no. 4, p. 798-817. DOI: 10.1080/10357823.2025.2466434

Информация об авторе

Сайф Улла Тарик Бутт – аспирант,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

Information about the author

Saif Ullah Tariq Butt – Postgraduate Student, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026; одобрена после рецензирования 22.06.2026 принята к публикации 10.07.2026.

The article was submitted 12.05.2026; approved after reviewing 22.06.2026; accepted for publication 10.07.2026.